





*Виктор*  
**ГЮГО**  
*(1802–1885)*

*Виктор*  
**ГЮГО**

*Отверженные*

ТОМ I

Роман

*Части первая, вторая и третья*

Москва



2017

УДК 821.133.1-31  
ББК 84(4Фра)-44  
Г99

Victor Marie HUGO  
LES MISERABLES

Перевод с французского *Д. Лившиц, Н. Коган, Н. Эфрос*

Стихи в переводе *В. Левика*

Предисловие и комментарии *А. Тарасова*

Серия «Зарубежная классика»

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы  
художника *Огастуса Эдвина Мюльреди*

Серия «Книги-легенды»

Оформление *В. Щербакова*

В оформлении обложки использованы работы художников:  
*Густава Курбе* (1819—1877), *Жана Батиста Грёза* (1725—1805),  
*Яна Бартольда Йонскинда* (1819—1891),  
*Самюэля Люка Филдеса* (1844—1927)

**Гюго, Виктор.**

Г99      Отверженные : [Роман. В 2 т. ]. Т. 1. Ч.1, 2, 3 / Виктор Гюго ;  
[пер. с фр. Н. А. Коган, Д. Г. Лившиц, Н. Д. Эфрос]. — Москва :  
Издательство «Э», 2017. — 864 с.

ISBN 978-5-699-92284-0 (Зарубежная классика)

ISBN 978-5-699-90633-8 (Книги-легенды)

Знаменитый роман-эпопея Виктора Гюго о жизни людей, отвергнутых обществом. Противостояние криминального мира Парижа и полиции, споры политических партий и бои на баррикадах, жизнь в монастыре и церковная система — блистательная картина французского общества начала XIX века в романе В. Гюго.

Роман выдержал множество экранизаций начиная с 1907 года, последняя — мюзикл Тома Хупера 2013 года.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-92284-0  
ISBN 978-5-699-90633-8

© Лившиц Д., перевод на русский язык. Наследники, 2017  
© Коган Н., перевод на русский язык. Наследник, 2017  
© Эфрос Н., перевод на русский язык. Наследники, 2017  
© Левик В., перевод на русский язык. Наследники, 2017  
© Тарасов А., предисловие, комментарии, 2017  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Э», 2017

## **Шедевр французского романтизма**



твержденные» — книга знаменитая и необыкновенная. Она признана одной из вершин искусства романа XIX века; нет выдающихся писателей конца XIX — начала XX века, кто бы не назвал ее великой (среди них — Толстой и Достоевский, столь не похожие друг на друга). Эта книга входит в двадцатку наиболее часто издаваемых в мире, что совсем не так просто, как это, может быть, кому-то покажется, поскольку в эту двадцатку входит много книг *нехудожественных*: Библия, Коран, «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Государство и революция» Ленина, «Диалоги» Платона, таблицы логарифмов...

Книга, несмотря на ее объем, переведена на 68 языков (может быть, и больше, может быть, я не всё нашел). По ней поставлено 18 фильмов в пяти странах мира, три телесериала в трех странах, три мультсериала в двух странах. И хотя «Отверженные» — это по сути эпопея, сопротивляющаяся инсценировке из-за длины, по книге поставлены 58 разных спектаклей в 31 стране мира (может быть, и больше, может быть, я опять не всё нашел).

«Отверженные» — роман, написанный политическим изгнанником. Революция 1848 года сделала Виктора Гюго депутатом парламента. Однако 2 декабря 1851 года президент Франции Луи Бонапарт совершил государственный переворот, разогнал парламент и отменил конституцию. Гюго был в числе тех депутатов, кто пытался организовать сопротивление. Сопротивление оказалось слабым и было подавлено правительственными войсками. В Париже, по официальным данным, погибло 400 человек, оппозиция говорила о двух тысячах, сам Гюго писал о 1200 убитых. Всё это удивительно напоминает события октября 1993 года в Москве.

Был отдан приказ об аресте Гюго. С чужим паспортом он бежал в Бельгию. Там он пишет «Историю одного преступления», посвященную перевороту Луи Бонапарта, и направленный против него язвительный памфлет «Наполеон Малый». В результате Гюго приходится покинуть Бельгию и перебраться на остров Джерси, британское владение в Ла-Манше у берегов Франции. Однако в 1885 году его (и ряд других французских изгнанников) высылают и с этого острова — и Гюго обосновывается на острове Гернси, другом владении Великобритании в Ла-Манше.

Именно на Гернси он и написал «Отверженных». Во Франции книгу издать было невозможно, и Гюго опубликовал ее в Бельгии, у издателя Альбера Лакруа. Книга имела невероятный успех. Ее читала буквально вся грамотная Франция — от рабочих и ремесленников до светских дам. Лакруа обогатился на этом издании. Режим Луи Бонапарта, ставшего императором Наполеоном III, мог, конечно, запретить книгу и начать преследовать тех, у кого она есть, но это означало отправить под суд полстраны. Пришлось смириться с фактом.

«Отверженные» оказались совсем не обычным романом. С одной стороны, книга продолжала традиции романов-фельетонов, то есть романов с преимущественно авантюрным сюжетом, печатавшихся во французских газетах с продолжением (самым известным из них были «Парижские тайны» Эжена Сю). С другой стороны, Гюго вставил в книгу большие блоки рассуждений исторического, философского и политического характера, где излагал свои взгляды по важнейшим общественным вопросам. Это, собственно, была пропаганда — пропаганда антимонархическая, антиклерикальная, антифеодальная и антибуржуазная. Но делалось это не в лоб, а поскольку события в романе доводились только до 1830-х годов и в книге было много сочувствия бонапартистам (действительно распространенного в то десятилетие), запретить роман за содержание оказалось трудно (хотя наиболее реакционные авторы и требовали этого в газетах).

Невероятная популярность «Отверженных» среди рядовых французов, в социальных низах, объяснялась, конечно, тем, что Гюго прямо и честно, без всякой лакировки показал чудовищные условия, в которых вынуждены были жить французские бедняки (то есть большинство населения) в годы Реставрации Бурбонов. И читатели могли убедиться, что империя Наполеона III ничем не лучше. Конечно, «Отверженные» оставались произведением

романтизма, но «социальный вопрос» в книге был подан так, словно Гюго одной ногой уже перешел в реализм.

Критики ломали по поводу романа Гюго копыя. Одни восхваляли его, другие ругали. Ругали в основном за вредное, подрывное содержание, изредка пытаясь доказать, что книга слаба и литературно. Но в последнее, кажется, не верили и те, кто это писал.

Роман мгновенно бросились переводить на основные европейские языки. В России, кстати, его начали печатать сразу в трех журналах в трех разных переводах! Но везде публикации были приостановлены: царь Александр II прочел «Отверженных» по-французски — и пришел к выводу, что книга имеет «вредное направление». Что только разожгло к ней интерес. Лев Толстой и Достоевский как раз прочли «Отверженных» на языке оригинала.

Виктор Гюго и до этого романа был знаменитым писателем. Но «Отверженные» создали ему невиданные до того во Франции славу и авторитет. Так что когда после падения Наполеона III в 1870 году Гюго вернулся во Францию, он вернулся уже в ореоле героя. Его мгновенно избрали депутатом Национального собрания. Но очень скоро Гюго вошел в конфликт с реакционным большинством Национального собрания, сложил с себя полномочия и уехал в Бельгию, сосредоточившись на защите и помощи парижским коммунарам, среди которых оказалось много его друзей. В мае 1872 года реакционеры напали на дом писателя в Бельгии, и Гюго пришлось — по требованию бельгийских властей — переехать в Люксембург. В крошечном Люксембурге Гюго стал достопримечательностью и объектом поклонения, вплоть до того, что местные жители устраивали для него по утрам самодеятельные концерты.

В 1876 году Гюго вернулся на родину, был избран в Сенат и превратился в живое национально-культурное достояние. Авторитет его был невероятен. Однажды его посетил бразильский император Педру II, который смиренно попросил разрешения войти в дом, отказался сидеть в присутствии Гюго и воспротивился тому, чтобы его называли «ваше величество», так как в этом доме есть только одно величество — автор «Отверженных».

80-летие писателя Франция отмечала как национальный праздник, перед домом Гюго прошло торжественное шествие его поклонников, в котором участвовало 600 тысяч человек! А когда в 1885 году Виктор Гюго умер, его похороны стали грандиозным событием и растянулись на 10 дней. Проститься с писателем —

небывалое дело — пришли два миллиона человек. Парламент принял решение похоронить Гюго в Пантеоне — усыпальнице великих людей Франции. Проблема была в том, что Пантеоном в годы Великой французской революции сделали одну из церквей Парижа. После Реставрации она опять стала просто церковью. Буквально за сутки эта церковь вновь была превращена в Пантеон, и на фронте ее восстановили надпись «Великим людям — признательное отечество».

Вряд ли бы все это случилось, не появившись на свет «Отверженные».

*Александр Тарасов*





Часть I  
*Фаншина*

*Перевод Д. Г. Лившиц*

## КНИГА ПЕРВАЯ

### Праведник

До тех пор, пока силою законов и нравов будет существовать социальное проклятие, которое среди расцвета цивилизации искусственно создает ад и отягчает судьбу, зависящую от бога, роковым предопределением человеческим; до тех пор, пока не будут разрешены три основные проблемы нашего века — принижение мужчины вследствие принадлежности его к классу пролетариата, падение женщины вследствие голода, увядание ребенка вследствие мрака невежества; до тех пор, пока в некоторых слоях общества будет существовать социальное удушение; иными словами и с точки зрения еще более широкой — до тех пор, пока будут царить на земле нужда и невежество, книги, подобные этой, окажутся, быть может, не бесполезными.

*Отвиль-Хауз, 1862 г.*

## Глава 1. ГОСПОДИН МИРИЭЛЬ



1815 году Шарль-Франсуа-Бьенвеню Мириэль был епископом города Диня. Это был старик лет семидесяти пяти; архиерейский престол в Дине он занимал с 1806 года.

Хотя это обстоятельство никак не затрагивает сущности того, о чем мы собираемся рассказать, будет, пожалуй, бесполезно, для соблюдения полнейшей точности, упомянуть здесь о толках и пересудах, вызванных в епархии приездом г-на Мириэля. Правдива или лжива людская молва, она часто играет в жизни человека, и особенно в дальнейшей его судьбе, не менее важную роль, чем его собственные поступки. Г-н Мириэль был сыном советника судебной палаты в Эксе и, следовательно, принадлежал к судейской аристократии. Рассказывали, что его отец, желая передать ему по наследству свою должность и при-

держиваясь обычая, весьма распространенного тогда в кругу судебных чиновников, женил сына очень рано, когда тому было лет восемнадцать-двадцать. Однако, если верить слухам, Шарль Мириэль и после женитьбы давал обильную пищу для разговоров. Он был хорошо сложен, хотя и несколько мал ростом, изящен, ловок, остроумен; первую половину своей жизни он целиком посвятил свету и любовным похождениям.

Но вот пришла революция; события стремительно сменялись одно другим; семьи судебных чиновников, поредевшие, преследуемые, гонимые, рассеялись в разные стороны. Шарль Мириэль в первые же дни революции эмигрировал в Италию. Там его жена умерла от грудной болезни, которой давно уже страдала. Детей у них не было. Как же сложилась дальнейшая судьба Мириэля? Крушение старого французского общества, гибель собственной семьи, трагические события 93-го года, быть может, еще более страшные для эмигрантов, следивших за ними издалека сквозь призму своего отчаяния, — не это ли впервые заронило в его душу мысль об отречении от мира и одиночестве? Не был ли он в разгар каких-нибудь развлечений и увлечений, заполнявших его жизнь, внезапно поражен одним из тех таинственных и грозных ударов, которые порой, попадая прямо в сердце, повергают во прах человека, способного устоять перед общественной катастрофой, ломающей его существование и уничтожающей материальное благополучие? Никто не мог бы ответить на эти вопросы; знали только, что из Италии Мириэль вернулся священником.

В 1804 году г-н Мириэль был приходским священником в Бриньоле. Он был уже стар и жил в глубоком уединении.

Незадолго до коронации какое-то незначительное дело, касающееся его прихода, — теперь уже трудно установить, какое именно, — привело его в Париж. Среди прочих власть имущих особ, к которым он обращался с ходатайством за своих прихожан, ему пришлось побывать у кардинала Феша. Как-то раз, когда император приехал навестить своего дядю, почтенный кюре, ожидавший в приемной, оказался лицом к лицу с его величеством. Заметив, что старик с любопытством его рассматривает, Наполеон обернулся и резко спросил:

— Что вы, добрый человек, так на меня смотрите?

— Государь, — ответил Мириэль, — вы видите доброго человека, а я — великого. Каждый из нас может извлечь из этого некоторую пользу.

В тот же вечер император спросил у кардинала об имени этого кюре, и немного времени спустя г-н Мириэль с изумлением узнал о том, что его назначили епископом в Динь.

Впрочем, насколько достоверны были рассказы о первой половине жизни г-на Мириэля, никто не знал. Семья Мириэля была мало известна до революции.

Господину Мириэлю пришлось испытать судьбу всякого нового человека, попавшего в маленький городок, где много языков, которые болтают, и очень мало голов, которые думают. Ему пришлось испытать это, хотя он был епископом, и именно потому, что он был епископом. Впрочем, слухи, которые люди связывали с его именем, были всего только слухи, намеки, словечки, пустые речи, попросту говоря — околесица, прибегая к выразительному языку южан.

Как бы то ни было, но после девятилетнего пребывания епископа в Дине все эти рассказы и кривотолки, которые всегда занимают вначале маленький городок и маленьких людей, были преданы глубокому забвению. Никто не осмелился бы теперь их повторить, никто не осмелился бы даже вспомнить о них.

Господин Мириэль прибыл в Динь вместе с пожилой девицею, м-ль Батистиной, своей сестрой, которая была моложе его на десять лет.

Их единственная служанка, г-жа Маглуар, ровесница м-ль Батистины, бывшая прежде «служанкой господина кюре», получила теперь двойное звание: «горничной м-ль Батистины» и «экономки его преосвященства».

Мадмуазель Батистина была высокая, бледная, худощавая и кроткая особа. Она олицетворяла собою идеал всего того, что заключается в слове «достоуважаемая», ибо, как нам кажется, одно лишь материнство дает женщине право называться «достотчимой». Она никогда не была хороша собой, но ее жизнь, являвшаяся непрерывной цепью добрых дел, в конце концов придала ее облику какую-то белизну, какую-то ясность, и, состарившись, она приобрела то, что можно было бы назвать «красотой доброты». Что в молодости было худобой, в зрелом возрасте обратилось в воздушность, и сквозь эту прозрачную оболочку просвечивал ангел. Это была девственница, более того — это была сама душа. Она казалась сотканной из тени; ровно столько плоти, сколько нужно, чтобы слегка наметить пол; комочек материи, светящийся изнутри; большие глаза, всегда опущенные долу, словно душа ее искала предлога для своего пребывания на земле.

Госпожа Маглуар была маленькая старушка, седая, полная, даже тучная, хлопотливая, всегда задыхавшаяся, во-первых, от постоянной беготни, во-вторых — из-за мучившей ее астмы.

Когда г-н Мириэль прибыл в город, его с почестями водворили в епископском дворце, согласно императорскому декрету,

который в списке чинов и званий ставит епископа непосредственно после генерал-майора. Мэр и председатель суда первые нанесли ему визит; к генералу же и префекту первым поехал г-н Мириэль.

Когда епископ вступил в должность, город стал ждать, каким он окажется на деле.

## **Глава 2. ГОСПОДИН МИРИЭЛЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МОНСЕНЬОРА БЬЕНВЕНЮ**

Епископский дворец в Дине примыкал к больнице. Это было огромное и прекрасное каменное здание, построенное в начале прошлого столетия монсеньором Анри Пюже — доктором богословия Парижского университета, аббатом Симорским, занимавшим архиерейский престол в Дине в 1712 году. Это был поистине княжеский дворец. Все здесь имело величественный вид: и апартаменты епископа, и гостиные, и парадные покои, и двор, весьма обширный, со сводчатыми галереями в старинном флорентийском вкусе, и сады с великолепными деревьями. В столовой — длинной и роскошной галерее, которая была расположена в нижнем этаже и выходила в сад, — монсеньор Анри Пюже дал 29 июля 1714 года парадный обед, где присутствовали монсеньоры: Шарль Брюлар де Жанлис, архиепископ князь Амбренский; Антуан де Мегриньи, капуцин, епископ Грасский; Филипп Вандомский, великий приор Франции; аббат Сент-Оноре Леренский; Франсуа де Бертон Крильонский, епископ, барон Ванский; Сезар де Сабран Форкалькьерский, владетельный епископ Гландевский, и Жан Соанен, пресвитер оратории, придворный королевский проповедник, владетельный епископ Сенезский. Портреты этих семи высокочтимых особ украшали стены столовой, и знаменательная дата — 29 июля 1714 года — была золотыми буквами выгравирована на белой мраморной доске.

Больница помещалась в тесном, низеньком двухэтажном доме, при котором был небольшой садик.

Через три дня после приезда епископ посетил больницу, а затем попросил смотрителя пожаловать к нему.

— Господин смотритель, сколько больных у вас в настоящее время? — спросил он.

— Двадцать шесть, монсеньор.

— Да, я насчитал столько же, — подтвердил епископ.

— Кровати стоят слишком близко одна к другой, — добавил смотритель больницы.

— Да, я это тоже заметил.

— Комнаты не приспособлены для палат, и проветривать их довольно затруднительно.

— Да, и мне показалось, что это так.

— И знаете ли, когда выпадает солнечный день, садик далеко не вмещает всех выздоравливающих.

— И я подумал об этом.

— Во время эпидемий — в нынешнем году это был тиф, а два года тому назад горячка — у нас иногда до сотни больных, и мы просто не знаем, что с ними делать.

— Да, эта мысль тоже пришла мне в голову.

— Ничего не поделаешь, монсеньор, — сказал смотритель, — приходится мириться.

Этот разговор происходил в столовой нижнего этажа, имевшей форму галереи.

С минуту епископ хранил молчание.

— Сударь, — спросил он вдруг смотрителя больницы, — сколько кроватей могло бы, по-вашему, поместиться в одной этой комнате?

— В столовой вашего высокопреосвященства? — с изумлением вскричал смотритель.

Епископ обводил комнату взглядом и, казалось, мысленно производил какие-то измерения и расчеты.

— Здесь можно разместить не менее двадцати кроватей, — сказал он как бы про себя. — Послушайте, господин смотритель, я вот что хочу сказать, — продолжал он громче. — Тут, по-видимому, какая-то ошибка. Вас двадцать шесть человек, и вы ютитесь в пяти или шести маленьких комнатках. Нас же только трое, а места у нас хватит на шестьдесят человек. Повторяю, тут явная ошибка. Вы заняли мое жилище, а я ваше. Верните мне мой дом. Здесь же — хозяева вы.

На следующий день все двадцать шесть больных бедняков были переведены в епископский дворец, а епископ занял больничный домик.

Господин Мириэль не имел состояния, так как семья его была разорена во время революции. Его сестра пользовалась пожизненной рентой в пятьсот франков, которых при их скромной жизни в церковном доме хватало на ее личные расходы. Как епископ г-н Мириэль получал от государства содержание в пятнадцать тысяч ливров. Перебравшись в больницу, он в тот же день, раз и навсегда, определил расходование этой суммы следующим образом. Приводим смету, написанную им собственноручно: